

В. Ф. Одоевский

Свидетель

В. Ф. Одоевский "Повести и рассказы", ГИХЛ, 1959. Примечания Е. Ю. Хин
Ц "Im Werden Verlag". Некоммерческое электронное издание. Мюнхен. 2006.
<http://imwerden.de>

(Посв. А. И. Кошелёву)

...Я выскочил из коляски и целовал родную землю. Звон русского православного колокола вывел меня из этого чувства самозабвения, которое находит на душу при виде отчизны, особенно после десятилетней с ней разлуки. Невдалеке на пригорке белелись стены монастыря. Забыв усталость, я бросился в отворенные ворота храма, не с холодным любопытством путника, но как младенец бросается в объятия матери. Это испытали все после долгой разлуки с родиной.

Всенощная отошла. Сквозь полукруглые окна проходили длинные, багровые лучи заходящего солнца, волновались в облаках церковного фимиама и рядами ложились на светлую позолоту иконостаса -- как долгая, горькая, взволнованная кровавыми страстями молитва, достигшая наконец скинии завета души человеческой. Свежий вечерний воздух проникал в растворенные двери. Миряне начали выходить из церкви; за ними черною полосой потянулась монастырская братия. Я стоял неподвижно; опустелый храм мне казался еще величественнее, еще благодатнее. Его вид наводил те мысли, которые исчезают среди толпы, в жизни мятежной, которых не может уловить слово, но которые так внятно говорят сердцу. Почти неслышимый шорох заставил меня заметить, что я не один. В отдаленном углу я заметил монаха, распростертого на хладном помосте. Невольное любопытство заставило меня также остаться в церкви. Наконец отшельник встал; лицо его осветилось лучами солнца.

Незнакомец, казалось, также узнал меня. Мы сошлись ближе.

-- Ты ли это, Ростислав?

-- Ты ли это, Григорий? -- И мы бросились друг другу на шею. Я узнал старого товарища по службе, старого товарища моего детства.

-- Что значит твое платье? Что значит твое бледное, изнывшее лицо? Ты ли это, удалой гусар, украшение петербургских балов?

Монах не отвечал ни слова, вздохнул глубоко и повел меня в свою келью. Вот что он рассказал мне:

"Вскоре после твоего отъезда в чужие края я отправился в отпуск к родным; в семье я нашел матушку, уже очень слабую и больную; моего младшего брата я почти не узнал: в его возрасте человек так быстро переменяется, -- а я уже лет пять не видал его; теперь ему было около семнадцати лет; он был прекрасен собою и самого милого юношеского характера. Матушка не хотела отпускать его; она его одного из всех детей кормила сама, а ты знаешь, что это обстоятельство производит между матерью и детьми какую-то таинственную, неразрывную, почти физическую связь, которая усиливает в высшей степени и без того горячее материнское чувство и не проходит с годами. Вячеслав совсем было согласился на желание матери. Но когда он увидел мой блистательный мундир, мои усы, наслышался моих рассказов о полковом, приятельском круге, о театре, о всех наслаждениях петербургской жизни, -- он позабыл просьбы матери, свои обещания и стал неотступно просить у нее позволения вступить в военную службу. Я присоединил к его просьбам мои; я представил матушке все выгоды, которые ему доставит этот род жизни; напоминал ей, что мы будем друг другу подпорою; обещал быть при Вячеславе неотлучно, быть для него не только братом, но отцом. После долгой борьбы матушка однажды наедине подозвала меня к своим креслам и сказала: "Я не могу больше противиться вашим просьбам. Я не хочу, чтобы дети мои могли когда-либо обвинять меня в том, что я помешала их счастью в жизни. Возьми Вячеслава с собою; но, Ростислав, не радуйся моему согласию; ты не знаешь, какую ответственность я на тебя налагаю; если бы я могла от кресел дойти до кареты, я поехала бы с вами, но это было бы бесполезно; для меня, старухи, все равно -- семь-сот верст или семь сажень, -- мне за вами не угнаться; я была бы вам только помехою в жизни, а ты знаешь, что я не принадлежу к числу тех матерей, которые по